

Михайлов А. И. Ганин Алексей Алексеевич [28.7(9.8).1893, д. Коншино Кадниковского у. Вологодской губ. – 30.3.1925, Москва, Бутырская тюрьма] – поэт, прозаик : [биографическая и литературная справка] / А. И. Михайлов // Русская литература XX века : прозаики, поэты, драматурги : биобиблиографический словарь : в 3 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; [под общей ред. Н. Н. Скатова ; науч. ред. и сост. В. Н. Запезалов, В. А. Котельников, А. М. Любомудров, В. П. Муромский, А. И. Павловский]. – [Москва], 2005. – Т. 1 : А-Ж. – С. 461-463.

ГАНИН Алексей Алексеевич [28.7(9.8). 1893, д. Коншино Кадниковского у. Вологодской губ.— 30.3.1925, Москва, Бутырская тюрьма] — поэт, прозаик.

Родился в крестьянской семье. Окончил двухклассное земское училище в с. Усть-Кубинское, затем городскую гимназию в Вологде. В 1911–14 учился в Вологодском фельдшерско-акушерском училище. В 1913 — первая публикация стихов в вологодской газ. «Эхо». В 1914 Г. призывается в армию и проходит службу в Николаевском военном госпитале Петербурга. В начале 1916 знакомится с С. Есениным, служившим в подобном же госпитале в Царском Селе. Летом 1917 вместе с Есениным и З. Райх Г. совершает поезд-

ку на родину, во время которой в Кирико-Иулитовской церкви (неподалеку от Вологды) происходит венчание Есенина с Райх. Г. выступает поручителем со стороны невесты; ей он посвящает тогда же написанное стих. **«Русалка — зеленые косы...»**, в котором признается в тщетной любви к героине, поскольку «Ей сказками на сердце дышит / Разбойник с кудрявых полей», т. е. Есенин.

В 1917 Г. вместе с Клюевым, Есениным и Орешиним публикуется в альм. левозеро-вской ориентации «Скифы» (сб. 2, указан 1918). В 1918 Г. встречается с А. Блоком, о чем свидетельствует дневниковая запись Блока 20 февр.— в день его чествования по поводу публикации стих. «Скифы»: «...(меня выпили) Есенин, Ганин, Гликин, барышни, моя Люба». Вместе с Есениным (а также А. Мариенгофом) Г. публикуется в имажинистском сб. (2-м) «Конница бурь» (1920).

Демобилизованный в 1916 по состоянию здоровья, Г. в 1918 снова вступает теперь уже в Красную Армию добровольцем и служит фельдшером в госпиталях Северного фронта. После увольнения поступает в Вологодский ин-т народного образования. Активно выступает в печати, в частности в вологодском ж. «Кооперация Севера», в петроградском ж. «Записки Передвижного общедоступного театра», издает в Вологде отдельным миниатюрным изд. поэму **«Звездный корабль»** (1920) и выпускает в 1920–1921 десять изготовленных трудоемким ручным способом малотиражных литографированных книжечек стихов (с указанием на них вымышленного места издания «Коншино» — родная деревня поэта — и вымышленного же изд-ва «Глина»): **«В огне и славе»**, **«Вечер»**, **«Золотое безлюдье»**, **«Кибурба»**, **«Красный час»**, **«Мешок алмазов»**, **«Певучий берег»**, **«Раскованный мир»**, **«Сарай»**, **«Священный клич»**. Осенью 1923 Г. переезжает из Вологды в Москву, где в 1924 выходит наиболее полный и последний сб. его стих. **«Былинное поле»**.

Принадлежащий по своему социальному происхождению, воспитанию и идейно-худож. направленности к группе новокрестьянских поэтов, Г. отличается от них, начинавших свой путь в значительной степени от традиции поэтов-суриковцев, ориентацией исключительно на поэзию символистов (Бальмонт, Блок, Белый). В поэзии Г. разлито настроение грусти, кротости, вздоха по невидимому или утраченному миру, которое более всего присуще поэзии символистов: «Снова душа загрустила о Волге, о тихой печали, / О детских молитвах, поверила в сны золо-

тые...» (Стихи из письма П. Витязеву, 1915). В символизме находит свои истоки и обнаженная философичность поэзии Г., заявляющая о себе в несколько отвлеченных мотивах жизни и смерти, преходящего и вечного, тщетных усилий разума постичь мир и смысл жизни. Этой же традицией обусловлена и заметная рефлексивность лирики Г.

Символистские мотивы касались главным образом пейзажно-лирических горизонтов поэзии Г.: «По скатам и холмам горбатые деревни, / Впивая тишину, уходят в глубь веков» («Предутрие», 1917). С новокрестьянскими поэтами Г. роднит исключительно земледельческое восприятие мира. День представляется ему «сгорбившимся» от «мужичьих забот», а ветерок «домотканным». Подобно им, труд и жизнь крестьянина он возводит на уровень некоего природно-космического бытия, как, например, в поэме «Памяти деда» (1918), в которой отдавший все свои силы земле старый пахарь выступает участником некоей созидательной вселенской мистерии, а его смерть представляется всего лишь паузой отдыха в бесконечном процессе совместного труда крестьянина и матери-земли. Сам себя Г., впрочем, считал не принадлежащим ни к какому лит. направлению и просил называть просто «романтиком начала XX века» (в предисл. к сб. «Былинное поле»).

Революцию 1917 Г. воспринимает поначалу в духе эсхатологических ожиданий преобразования несовершенного старого мира в царство гармонии и благоденствия. Но вскоре, однако, уясняет для себя антикрестьянскую сущность проводимых большевиками «преобразований» и создает ряд произведений, направленных (в иносказательной форме) против сил, угрожающих России, и в первую очередь крестьянству («России», 1918; поэмы «Сарай», 1917, «Былинное поле», 1917–1923). Сложным раздумьям о дальнейшем пути крестьянства в трудной и неясной для него исторической обстановке посвящает он своеобразный роман-притчу «Завтра» (1923). Это историческое прозрение, равно как и общее трагическое восприятие эпохи классовой борьбы и террора, придает творчеству Г. преобладающе пессимистическое звучание. Светлое начало связано с образами крестьянского и космического мира (звезд, Солнца), а также «вечного дня» (ожидаемого только в далеком будущем).

Г.— первый открывший мартирологический список уничтоженных новокрестьянских поэтов. Осенью 1924 его в числе группы молодежи (среди которых поэты братья П. и Н. Чекрыгины) арестовывают по обвинению в принад-

лежности к «Ордену русских фашистов». За улику принимаются найденные у него при обыске тезисы «Мир и свободный труд — народам», содержащие откровенные высказывания против существующего режима: «Ясный дух народа предательски ослеплен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены <...> Россия, на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и прадедов завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславию, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние <...> В лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту... За всеми словами о коммунизме, о свободе, равенстве и братстве народов таится смерть и разрушение...» Попытка автора выдать текст «тезисов» за фрагмент задуманного романа (списав тем самым криминал на счет отрицательного героя — «классового врага») не достигает результата. Г. был расстрелян в числе 7 человек, составляющих группу «ордена», как его глава.

Соч.: Звездный корабль: стихи. Вологда, 1920; Былинное поле. М., 1924; Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991; Мир и свободный труд народам: тезисы // Наш современник. 1992. № 1; Былинное поле. М., 2000.

Лит.: Парфенов Н. Алексей Ганин и его лит. судьба // Север. 1973. № 9; Куняев Ст. Жизнь и смерть поэта // Красный Север. 1989. 16–18 авг.; Протокол допроса А. Ганина и выдержки из заключения по его следственному делу / публ. Ст. Куняева // Наш современник. 1992. № 4; Дюжев Ю. Нас выслала вечность, вскормила изба // Север. 1998. № 10; С. А. Есенин и вологодские поэты А. А. Ганин и Н. А. Клюев. Вологда, 1995; Корохин Л. Алексей Ганин — друг Сергея Есенина. СПб., 1999.

А. И. Михайлов